

ОБРАЗ ФРАНЦИИ В ЭССЕИСТИКЕ ДЖ. ФАУЛЗА

Франция и ее культура оказали большое влияние на творчество и мировоззрение Джона Фаулза (John Fowles, 1926–2005). Во многих его произведениях появляются образы Франции или детали, связанные с этой страной: в «Дэниэле Мартине» («Daniel Martin», 1977) служанка одной из главных героинь – француженка, во время путешествия по Нилу Дэниэл и его будущая жена Джейн знакомятся с французами; в романе «Червь» («A Maggot», 1985) секта квакеров изначально появляется во Франции; в «Волхве» («The Magus», 1966) предками героя-рассказчика Николаса Эрфе были выходцы из Франции; в «Коллекционере» («The Collector», 1963) Миранда вспоминает путешествие во Францию; в «Башне из черного дерева» («The Ebony Tower», 1974) действие происходит во Франции; в «Мантиссе» («Mantissa», 1982) можно встретить многочисленные отсылки к произведениям знаменитых французских писателей. Дж. Фаулз утверждает, что у него *три родины*: его родная Англия (не Британия!), Франция и Греция. Он уверен, что Франция

его сформировала. Если бы он не изучил французский язык, не был знаком с культурой этой страны, не знал ее природы и ландшафтов, он был бы лишь наполовину собой, жил бы *полусчастьем, полуопытом, полуправдой*. Дж. Фаулз получил степень бакалавра гуманитарных наук по специальности «французская литература» во время учебы в Оксфорде. Он признался, что знал *французскую литературу несколько лучше, чем английскую*. После завершения обучения Дж. Фаулз некоторое время жил и работал во Франции, в Пуатье. Но Франция оставалась для него по-прежнему притягательной: он почти каждый год посещал ее после возвращения в Англию.

Особое влияние французской литературы и культуры на Дж. Фаулза не исчерпывается только художественным творчеством, но касается и его публицистики. Образ Франции становится одним из значимых и в сборнике эссе «Кротовые норы» (*Wormholes*, 1998). Можно выделить несколько составляющих, на основе которых формируется целостный образ Франции в этой книге.

Во-первых, это «литературная» Франция, любовь к которой зародилась у писателя еще в университетские годы. Дж. Фаулз говорит о том, что *знание французской литературы заставляет [его] быть нетерпимым к островной ограниченности столь многих английских писателей*. Дж. Фаулз разделяет английских писателей на «развлекателей» и «проповедников» и не приемлет ни тех, ни других. «Островная ограниченность» многих английских писателей порождает одно из основных различий между английской и французской литературой: произведения английских писателей ориентированы только на своих соотечественников, читательская аудитория французских авторов, уже начиная с XVII века, является наднациональной. Дж. Фаулз как будто бы вычеркивает себя из числа английских писателей, противопоставляя им себя в «пространственном» плане: *Так что я живу далеко от других английских писателей, в стороне от литературного Лондона*. Это можно объяснить как попытку выйти за границы национальной литературы: *Я не хочу быть английским писателем, я хочу быть писателем европейским, то есть я сказал бы – мега-европейским. <...> Какой толк писать для того, чтобы тебя читали только в Англии? Я даже и англичанином-то быть не хочу. Мой родной язык – английский, но я – мега-европеец*. Комментарии здесь излишни.

Другой областью расхождения английской и французской литературы, по мнению Дж. Фаулза, является риторика. Если английская литература стремится к буквальности и простоте, то французская литература проникнута метафоричностью, стремлением отобразить жизнь, преломляя ее через призму форм и концепций. В связи с этим Дж. Фаулз вводит понятие *привидение*, которое характеризует восприятие им французских текстов: *Я могу прочесть французский текст и чувствовать, что понял его совершенно и полностью, во всех семантических и грамматических смыслах; но поскольку я не рожден французом или хотя бы двуязычным, некое окончательное понимание, то есть понимание конечное, навсегда для меня закрыто. <...> Про себя я об этом думаю как о «привидении», которое присутствует во всех моих контактах с Францией; но ведь в каждом*

старом доме есть привидение, и то, чего мы никогда так до конца и не познаем, с точки зрения моей жизненной философии составляет весьма существенную часть того, что нас привлекает и доставляет наслаждение. Степень непонимания в процессе чтения ни в коем случае не умаляет эстетического и интеллектуального достоинства произведений французских авторов. Влияние французской литературы на творчество Дж. Фаулза заметно и на уровне упоминаний и реминисценций. В «Кротовых норах» он часто ссылается на таких авторов, как А. Камю, Ж.-П. Сартр, А. Мальро, А. Рембо. Он как будто включает себя в их культурное пространство, акцентируя внимание на том, что является их «наследником». Нельзя не признать, что некоторые произведения Дж. Фаулза написаны под влиянием творчества того или иного французского писателя: «Волхв» – «Большой Мольн» Алена-Фурнье, «Любовница французского лейтенанта» – «Урика» Клэр де Дюра, «Дэниэл Мартин» – «Воспитание чувств» Г. Флобера, «Элидюк» – перевод «Ле» Марии Французской.

Еще одной составляющей образа Франции в сборнике «Кротовые норы» становится концепт «свобода». Свобода воспринимается англичанами и французами по-разному: для англичан понятие свободы связано с негативной характеристикой. В отличие от своих северных соседей, французы воспринимают свободу как свое основное право. Не случайно самый знаменитый символ свободы – Статуя Свободы – была спроектирована французом и изготовлена в Париже. Для французов этот символ означает и свободу духа, мысли, действия, право на жизнь, свободу частной жизни. Для Дж. Фаулза «французская» свобода связана с внутренней раскрепощенностью, она более индивидуализированная, эгоистичная, но главным ее достоинством является способность приносить счастье. В представлении Дж. Фаулза Франция – страна для личности, Англия – для порядочных граждан. «Английская» свобода связана не с внутренним миром, а с поступками, она более официальная, общественная. Писателю ближе французское понятие свободы, так как оно предполагает внутреннюю свободу, которая так необходима писателю.

Не менее значимой составляющей образа Франции в книге «Кротовые норы» является природа. В определенные этапы своей жизни Дж. Фаулз увлекался энтомологией, орнитологией и ботаникой. Как замечает С. А. Гарушьян, отношение к природе – это та шкала, по которой Дж. Фаулз оценивает степень развитости той или иной национальной культуры, национального самосознания, оно становится одной из значимых составляющих категории национальной идентичности. Дж. Фаулз называет Францию *France sauvage* («дикая Франция»). В «Кротовых норах» он противопоставляет городскую и сельскую Францию: *В моей Франции нет городов (и главное там нет Парижа), нет музеев, библиотек, нет знаменитых замков и нет автострад <...>. Моя Франция вся состоит из бесконечных и малоизвестных сельских просторов с их крохотными городками и затерянными в глуши деревнями, чем отдаленнее такая деревня, тем лучше.* Данное восприятие соотносится

с идеей о «священной долине», о которой Дж. Фаулз говорит в романе «Дэниэл Мартин» как о месте, где можно спрятаться от суетного мира, где можно быть самим собой. В «Кротовых норах» писатель метафорически выражает свое восхищение природной красотой Франции: *Я назвал это прелестное существо las sauvage, «дикарка». <...> С тех пор я только и делал, что искал мою «дикарку» повсюду, в каждой стране, где мне доводилось жить или путешествовать, и судил о многих людях и событиях в свете ее красоты.* Франция в представлении писателя подобна прекрасной женщине, таинственной и до конца непостижимой, которая наполняет жизнь страстью и смыслом.

Следующей особенностью образа Франции в «Кротовых норах» является гендерная составляющая. Франция предстает перед читателем в женской ипостаси. Не случайно Дж. Фаулз пишет название страны на французском языке – *France*, которое является существительным женского рода. В отличие от Англии, являющейся воплощением материнского начала, Франция предстает в качестве любовницы: *Франция была для меня чем-то вроде любовницы.* Такая гендерная ипостась связана со свободой, так как любые отношения с любовницей предполагают определенную свободу не только от норм морали, но и страсть, которая возможна только при наличии внутренней свободы.

Так, в «Кротовых норах» образ Франции представлен через отношение Дж. Фаулза к литературе, природе и свободе. Франция – живой источник, дающий ему жизненные и творческие силы.